Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
24 February 2025
Russian
Original: French

Комитет по правам ребенка

Решение, принятое Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 143/2021* **

Сообщение представлено:	С. М. и А. Т. М. (представлены адвокатом Сильвией Саролеа)
Предполагаемая жертва:	С. М., Ф. М. и Х. М.
Государство-участник:	Бельгия
Дата сообщения:	10 декабря 2020 года (первоначальное представление)
Дата решения:	24 января 2025 года
Тема сообщения:	возвращение двух детей, один из которых инвалид, в Алжир
Процедурные вопросы:	приемлемость ratione personae; недостаточная обоснованность; исчерпание внутренних средств правовой защиты
Вопросы существа:	дискриминация по признаку инвалидности; наилучшее обеспечение интересов ребенка; здоровье
Статьи Пакта:	2, 3, 23 и 24
Статьи Факультативного протокола:	7 c), e) и f)

1.1 Авторами сообщения являются С. М. и А. Т. М. Они представляют сообщение от имени С. М. и своих детей: Ф. М., родившейся 28 сентября 2006 года и скончавшейся 20 марта 2022 года, и Х. М., родившегося 7 ноября 2010 года. Авторы и их дети являются гражданами Алжира. Они утверждают, что государство-участник нарушило статьи 2, 3, 23 и 24 Конвенции, приняв решение о высылке Ф. М. и Х. М.

* Принято Комитетом на его девяносто восьмой сессии (13–31 января 2025 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Сюзанна Ао, Айссату Алассане Сидику, Сувайба аль-Барвани, Хинд Аюби Идрисси, Мэри Белофф, Ринчен Чопхел, Росария Коррея, Браги Гудбрандссон, Филип Жаффе, Сопио Киладзе, Бэньям Дэвыт Мэзмур, Микико Отани, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Энн Скелтон, Велина Тодорова и Зара Рату.
В соответствии с пунктом 1 а) статьи 8 правил процедуры согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, член Комитета г-н Бенуа Ван Кейрсбилк не принимал участия в рассмотрении сообщения.

Просьба отправить на вторичную переработку

в Алжир. Авторы представлены адвокатом. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 30 августа 2014 года.

1.2 12 мая 2021 года в соответствии со статьей 6 Факультативного протокола и правилом 7 своих правил процедуры Комитет, действуя через свою Рабочую группу по сообщениям, обратился к государству-участнику с просьбой приостановить высылку семьи в Алжир на время рассмотрения Комитетом данного сообщения.

Факты в изложении авторов

2.1 Ф. М. родилась в Алжире, где вскоре после рождения перенесла неонатальную асфиксию, а также кровоизлияние в мозг и неонатальные конвульсии. Ее пришлось реанимировать. В результате этих осложнений у нее развился синдром Уэста (редкая форма эпилепсии), который замедлил развитие ее умственных и двигательных способностей и не позволил ей интегрироваться во внешний мир. Эти задержки в развитии требовали сеансов физиотерапии дважды в день, психомоторной реабилитации и эрготерапии. Ф. М. страдала от ряда респираторных заболеваний и легочных инфекций, и несколько раз ее приходилось срочно госпитализировать из-за непосредственной угрозы задохнуться во время острой дыхательной недостаточности. Ф. М. страдала от расстройства пищевого поведения и пережила несколько эпизодов истощения. В Алжире ее болезнь не лечили, поскольку необходимую медицинскую помощь получить было невозможно или она была недостаточной. В частности, ей требовались перкуссионная физиотерапия — метод, требующий специального оборудования, которого нет в Алжире, и специальная методика питания, заключающаяся в кормлении через зонд особым видом молока, которого нет в Алжире.

2.2 17 ноября 2011 года А. Т. М. прибыл в Бельгию в качестве неевропейского рабочего. Впоследствии он лишился вида на жительство из-за проблем с работодателем. В ноябре 2012 года к нему в Бельгии присоединились С. М., Ф. М. и Х. М. В неуказанную дату школа, где обучалась Ф. М., решила отчислить ее, опасаясь, что не сможет справиться с чрезвычайными ситуациями, связанными с состоянием ее здоровья. 22 апреля 2013 года С. М. подала от имени Ф. М. ходатайство о легализации в соответствии со статьей 9 ter закона от 15 декабря 1980 года о доступе на территорию, проживании, обосновании и высылке иностранных граждан. Это положение дает иностранным гражданам, страдающим серьезными заболеваниями, право ходатайствовать о выдаче им разрешения на проживание в Бельгии, если они не могут получить необходимое лечение в стране происхождения. 10 сентября 2013 года Управление по делам иностранцев признало ходатайство приемлемым. 23 января 2015 года ходатайство было отклонено. 28 июля 2015 года Совет по рассмотрению споров, касающихся иностранцев, отменил это решение на том основании, что Управление по делам иностранцев не приняло во внимание потребность Ф. М. в перкуссионной физиотерапии и не проверило, доступна ли эта терапия в Алжире.

2.3 22 августа 2016 года Управление по делам иностранцев вновь отклонило ходатайство о легализации. 14 ноября 2016 года авторы подали апелляцию с требованием о приостановлении исполнения и аннулировании решения, сопроводив ее новым заключением специалиста по фтизиатрии в Алжире, подтверждающим, что имеющееся в Алжире оборудование и индивидуальная квалификация медицинского персонала не позволяют предоставить необходимую Ф. М. медицинскую помощь. По мнению специалиста, возвращение Ф. М. в Алжир, безусловно, повлекло бы за собой фатальный исход. Слушания состоялись только 15 января 2019 года. 23 января 2020 года после многочисленных повторных ходатайств авторов Совет по рассмотрению споров, касающихся иностранцев, отменил решение Управления по делам иностранцев в связи с его необоснованностью.

2.4 30 сентября 2020 года Управление по делам иностранцев в третий раз отклонило ходатайство о легализации, проигнорировав, по словам авторов, причины отмены предыдущего решения. 16 ноября 2020 года авторы подали апелляцию в Совет по рассмотрению споров, касающихся иностранцев, которая на момент представления настоящего сообщения все еще ожидала рассмотрения.

2.5 Авторы утверждают, что исчерпали внутренние средства правовой защиты, подав три апелляции с требованием о приостановлении исполнения и отмене решения об отказе в легализации, принятого Управлением по делам иностранцев. Они утверждают, что три решения Управления схожи во всех отношениях и что имелись все основания полагать, что результат рассмотрения апелляции, поданной одновременно с настоящим сообщением, будет таким же, как и в случае с двумя предыдущими апелляциями. Их апелляции с требованием отменить принятые решения не имели приостанавливающего их исполнение действия, несмотря на их просьбы об этом. Кроме того, поскольку законом не установлены конкретные сроки, ни Управление по делам иностранцев, ни Совет по рассмотрению споров, касающихся иностранцев, при вынесении своих решений не связаны какими-либо временными рамками. Поэтому Совету потребовалось 39 месяцев, чтобы вынести решение по второй апелляции авторов. По их словам, столь длительные сроки было невозможно себе представить, и это делало положение авторов невыносимым, поскольку они жили в постоянной тревоге, не зная, могут ли они надеяться на долговременное улучшение состояния здоровья Ф. М. Авторы указывают, что на момент подачи данного сообщения они уже семь лет ожидали окончательного решения по своему ходатайству о легализации. Таким образом, внутренние средства правовой защиты были недоступны и неэффективны.

2.6 9 августа 2021 года, т. е. после того, как настоящее сообщение было зарегистрировано Комитетом, авторы сообщили Комитету, что 20 июля 2021 года Совет по рассмотрению споров, касающихся иностранцев, отменил решение Управления по делам иностранцев от 30 сентября 2020 года как необоснованное. В частности, по мнению Совета, медицинский консультант Управления не обосновал свое заключение о том, что лечение Ф. М. возможно и без прибора для перкуссионной терапии. Совет счел неподтвержденным утверждение, что с 2013 года Ф. М. покидала государство-участник всего один раз, и признал, что медицинский консультант допустил явную ошибку, сделав обратный вывод.

Содержание жалобы

3.1 По мнению авторов, несмотря на тяжелую форму инвалидности, с Ф. М. обращались плохо из-за административного положения авторов, что является нарушением статьи 2 Конвенции. Длительность процедуры и тот факт, что они смогли найти работу, хотя не имели на это права, несоразмерно ущемили права Ф. М. и придали решению Управления по делам иностранцев дискриминационный характер. С Ф. М. обращались иначе, чем с другими детьми-инвалидами, которые получали необходимую медицинскую помощь, и с детьми, проживающими в государстве-участнике на законных основаниях. Авторы утверждают, что отрицательные решения Управления не учитывают замечание общего порядка № 9 (2006) Комитета, в котором говорится, что государства-участники должны сделать предоставление особой заботы и помощи детям-инвалидам высокоприоритетным вопросом и в максимальных рамках имеющихся ресурсов финансировать меры по ликвидации дискриминации в отношении детей-инвалидов[1].

3.2 Авторы утверждают, что Управление по делам иностранцев нарушило право Ф. М. на наилучший учет ее интересов в соответствии со статьей 3 Конвенции. Медицинский консультант Управления никогда не видел Ф. М. и не связывался с ее врачами в Бельгии или Алжире. Заключение медицинского консультанта было оспорено специалистами, наблюдавшими за ней, по мнению которых медицинские услуги, в которых она нуждается в Алжире, не предоставляются или предоставляются в недостаточной степени. Действительно, ни респираторные проблемы Ф. М., ни ее алиментарные и пищеварительные проблемы в Алжире не поддаются лечению из-за недоступности перкуссионной физиотерапии или методике кормления через зонд особым видом молока. Однако Управление не упомянуло о необходимости такой формы физиотерапии и не приняло во внимание наилучшие интересы Ф. М.

[1] Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 9 (2006) о правах детей-инвалидов, п. 14 a).

3.3 По мнению авторов, медицинский консультант действовал недобросовестно, заявив на основании алжирского медицинского заключения, что Ф. М. может выехать в Алжир, в то время как в заключении речь шла о консультации, имевшей место несколько лет назад. Напротив, из свидетельских показаний и того факта, что Ф. М. не могла посещать школу, следует, что она не имела возможности покинуть Бельгию.

3.4 Кроме того, Управление по делам иностранцев дважды уведомляло авторов сообщения, что оно не может компенсировать неравенство в медицинском обслуживании путем предоставления бесплатной и неограниченной помощи всем иностранным гражданам, не имеющим права оставаться в Бельгии, несмотря на обязательство обеспечить, чтобы праву Ф. М. на здоровье уделялось первоочередное внимание при оценке его наилучших интересов. Совет по рассмотрению споров, касающихся иностранцев, дважды постановил, что причины, приведенные Управлением, были недостаточными и что медицинский консультант опирался на источники, которые не позволяли убедительно подтвердить, что Ф. М. может действительно получить необходимую медицинскую помощь в Алжире. Последнее заключение медицинского консультанта является ничуть не более доказательным, чем два предыдущих. Новое решение, составленное практически в тех же выражениях, нарушило бы принцип res judicata.

3.5 Авторы отмечают, что состояние здоровья Ф. М. улучшилось благодаря медицинской помощи, оказанной ей в Бельгии в соответствии со статьей 24 Конвенции. Однако национальные власти не приняли во внимание риск, которому она подвергнется в случае возвращения в Алжир. Несколько врачей сошлись во мнении, что для нее это будет иметь катастрофические последствия.

3.6 Авторы утверждают, что в связи с отрицательными решениями Управления по делам иностранцев имело место процессуальное нарушение обязательства защищать права ребенка. Настоящее сообщение было представлено через семь лет после того, как авторы впервые обратились с ходатайством о предоставлении им вида на жительство в связи с состоянием здоровья Ф. М. Однако, несмотря на доказательства того, что она страдала от заболевания, представляющего собой реальную угрозу для ее жизни или здоровья, или реальный риск подвергнуться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в случае возвращения в Алжир, Ф. М. не был предоставлен вид на жительство. Поданные апелляции не приостанавливают действие решений о депортации, а ходатайство о приостановке их исполнения не приводит к предоставлению вида на жительство, что делает апелляции в Совет по рассмотрению споров, касающихся иностранцев, неэффективными. Авторы отмечают, что, хотя у Совета есть ограниченные полномочия отменить решение, он не может заменить отмененное решение другим решением. Отсутствие у Ф. М. вида на жительство означает, что в долгосрочной перспективе его основные права были нарушены из-за отсутствия защиты в виде эффективных процедур[2].

3.7 По словам авторов, после отмены решений Советом по рассмотрению споров, касающихся иностранцев, Управление по делам иностранцев часто не спешит принимать необходимые меры. Часто это заставляет заинтересованное лицо «метаться» между двумя учреждениями, не получая подтверждающий регистрацию документ, который должен наделить его рядом прав. Процедура, на которую ссылаются авторы, не предусматривает вызов независимых медицинских экспертов для дачи показаний в Совете. Авторы отмечают, что слабость механизмов, обеспечивающих соблюдение права больных людей на эффективные средства правовой защиты в Бельгии, подвергалась критике со стороны международных организаций[3].

3.8 Авторы утверждают, что из-за длительности процедуры Ф. М. не смогла воспользоваться правовой защитой, гарантирующей его право на здоровье, или узаконить свое пребывание в стране, что противоречит положениям замечания общего

[2] *С. Е. против Бельгии* (CRC/C/79/D/12/2017), п. 7.2.

[3] Cour européenne des droits de l'homme, *Yoh-Ekale Mwanje c. Belgique*, requête no 10486/10, arrêt, 20 décembre 2011, par. 106 et 107; и Cour de justice de l'Union européenne, *Centre public d'action sociale d'Ottignies-Louvain-la-Neuve c. Moussa Abdida,* affaire C-562/13, arrêt, 18 décembre 2014.

порядка № 15 (2013) Комитета, требующим, чтобы все обязательства по статье 24 Конвенции осуществлялись постепенно и как можно более оперативно[4]. Они утверждают, что процессуальные гарантии, включая право на эффективные средства правовой защиты, необходимы для наилучшего обеспечения интересов ребенка[5]. Они утверждают, что государство-участник не позволило Ф. М. реализовать свое право на здоровье и развитие, отказав ей разрешении остаться в Бельгии для получения необходимой медицинской помощи. Авторы утверждают, что при определении наилучших интересов должны учитываться нормы, касающиеся прав инвалидов, и Конвенции о статусе беженцев[6]. В этой связи они напоминают об обеспокоенности Комитета по поводу сохраняющейся в государстве-участнике дискриминации в отношении детей, в том числе иностранного происхождения, и того факта, что государство-участник систематически не учитывает наилучшие интересы ребенка при принятии решений в отношении детей, находящихся в уязвимом положении[7].

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих замечаниях от 12 января 2022 года государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 7 (п. c)) Факультативного протокола в отношении С. М., поскольку она представила сообщение от своего имени, являясь совершеннолетней.

4.2 Государство-участник утверждает, что в соответствии со статьей 7 (п. f)) Факультативного протокола сообщение является неприемлемым в отношении Х. М., поскольку в связи с ним не было подано никакой жалобы.

4.3 Государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 7 (п. e)) Факультативного протокола, поскольку авторы не исчерпали внутренние средства правовой защиты. Во-первых, авторы смешивают свои заявления на получение медицинской и социальной помощи с заявлениями на получение вида на жительство по медицинским показаниям на основании статьи 9 ter закона от 15 декабря 1980 года и своими возможными требованиями о компенсации за ущерб, который мог быть причинен семье. Споры, касающиеся этих различных вопросов, подпадают под юрисдикцию разных национальных инстанций. Только третейский суд и, соответственно, суд по трудовым спорам компетентны рассматривать вопросы здоровья и социального обеспечения. Вопросы, связанные с проживанием, находятся в исключительном ведении Совета по рассмотрению споров, касающихся иностранцев. Суд первой инстанции является основным органом, рассматривающим вопросы компенсации.

4.4 Во-вторых, согласно государству-участнику, авторы не утверждают, что компетентный национальный орган отказал им в содействии в связи с их ходатайствами в отношении медицинской и социальной помощи и что они не смогли отстоять свои права в Третейском суде. Напротив, Ф. М. начал получать медицинскую помощь через два месяца после прибытия в Бельгию. По мнению государства-участника, авторы противоречат себе, когда утверждают, что они жили в условиях неопределенности, не зная, могут ли они надеяться на длительное улучшение здоровья Ф. М. В сообщении не уточняется, в чем заключалась дискриминация, которой подвергалась Ф. М., и ничто не указывает на то, что национальные власти отказались предоставить ей права, на которые она претендовала. Следовательно, у авторов не было никаких оснований представлять это сообщение. Учитывая, что Ф. М. получила всю необходимую медицинскую помощь, но не имела права оставаться в стране, вопрос о том, исчерпали ли авторы все внутренние средства

[4] Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 15 (2013), п. 74.
[5] Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 5 (2003), п. 24. См. также Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 14 (2013), пп. 50 и 51.
[6] Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 14 (2013), п. 75.
[7] CRC/C/BEL/CO/3-4, п. 31; и CRC/C/BEL/CO/5-6, п. 17.

правовой защиты в связи с ходатайством о предоставлении вида на жительство или любым потенциальным требованием о компенсации, не имеет никакого смысла.

4.5 В-третьих, авторы не исчерпали все доступные им внутренние средства правовой защиты для оспаривания отказа в предоставлении им вида на жительство, поскольку они подали настоящее сообщение в то время, когда иск об аннулировании и приостановлении действия решения, вынесенного Управлением по делам иностранцев 30 сентября 2020 года, все еще находился на рассмотрении в Совете по рассмотрению споров, касающихся иностранцев. Поэтому данное сообщение является преждевременным.

4.6 В-четвертых, авторы не исчерпали внутренние средства правовой защиты, поскольку они критикуют длительность рассмотрения второй апелляции в Совете по рассмотрению споров, касающихся иностранцев. Эта жалоба не имеет отношения к делу, поскольку, согласно неизменной национальной правовой практике, продолжительность судебного разбирательства не может служить основанием для предоставления права на проживание. Единственным последствием задержек в рассмотрении исков национальными судами может быть присуждение возмещения убытков в связи с причиненным вредом. Авторы не указывают, что они обжаловали действия государства-участника в связи с превышением разумного срока, предусмотренного в статье 1382 Гражданского кодекса. Европейский суд по правам человека признал, что это средство правовой защиты является эффективным и должно быть исчерпано до обращения к нему[8]. Впервые авторы подняли вопрос о длительности национальной процедуры именно в Комитете.

4.7 По мнению государства-участника, авторы пытаются добиться того, чтобы решение по ходатайству Ф. М. о предоставлении вида на жительство вместо национальных властей вынес Комитет, что недопустимо. Государство-участник подчеркивает, что в Конвенции нет положений, гарантирующих ребенку право на проживание по состоянию здоровья. Иное решение лишило бы национальное иммиграционное законодательство всякого смысла и подорвало бы суверенитет государств. Поэтому авторы заблуждаются, если считают, что надлежащим средством правовой защиты было бы предоставление Ф. М. фактического разрешения остаться в государстве-участнике.

4.8 По существу дела государство-участник отмечает, что авторы не указывают, в какой именно медицинской помощи было якобы отказано Ф. М., хотя из ее медицинской карты следует, что она получала всю необходимую помощь и уход. Ф. М. получала необходимую медицинскую помощь на ежедневной основе и была признана инвалидом Федеральной государственной службой социального обеспечения. Кроме того, авторы никак не доказывают, что Управление по делам иностранцев, принимая решения, исходило из отсутствия у Ф. М. законного права на проживание в стране, ее иностранного гражданства или инвалидности, поскольку эти факторы не оказывали никакого влияния на решения Управления. Поэтому утверждение о дискриминации, сделанные на основании статей 2, 23 и 24 Конвенции, является явно необоснованным.

4.9 Государство-участник заявляет, что к утверждению авторов о том, что при оказании медицинской, финансовой и иной помощи Ф. М. не были наилучшим образом учтены ее интересы, нельзя относиться серьезно, учитывая предоставленные ей лечебные и иные услуги. Кроме того, ни одно из положений Конвенции не требует предоставлять вид на жительство. По мнению государства-участника, под предлогом наилучшего учета интересов ребенка авторы пытаются добиться того, чтобы Комитет оценивал факты дела вместо национальных властей. Нет никаких оснований считать, что оценка ситуации Советом по рассмотрению споров, касающихся иностранцев, была явно произвольной или представляла собой отказ в правосудии. Кроме того, утверждение авторов о том, что высылка Ф. М. из государства-участника идет в разрез с наилучшим обеспечением интересов Ф. М., является преждевременным, поскольку

[8] Cour européenne des droits de l'homme, *Depauw c. Belgique*, requête no 2115/04, décision sur la recevabilité, 15 mai 2007.

в отношении нее не было принято никаких принудительных мер. В любом случае, в контексте принятия постановления о депортации наилучшие интересы Ф. М. учитывались. В решении, вынесенном 20 июля 2021 года, Совет по рассмотрению споров, касающихся иностранцев, постановил, что его наилучшие интересы не были в достаточной степени приняты во внимание. Следовательно, утверждения о нарушении статей 3 и 24 Конвенции не имеют под собой оснований.

4.10 Государство-участник утверждает, что жалобы авторов на отсутствие процессуальной защиты прав Ф. М. являются необоснованными. Их аргументы основаны главным образом на том, что, поскольку Ф. М. не было выдано разрешение на пребывание в государстве-участнике, она не могла получить медицинские услуги, необходимые с учетом состояния ее здоровья. Однако не существует ни одного нормативного положения, предоставляющего ей такое право. Кроме того, Ф. М. имела доступ к медицинской помощи, которая требовалась ей в силу состояния ее здоровья. Кроме того, механизмы обжалования решения об отказе в легализации на основании статьи 9 ter закона от 15 декабря 1980 года являются эффективными, поскольку позволяют подавать жалобы и получать адекватную правовую защиту, если жалоба представляется обоснованной (приостановка исполнения решения и временные меры в зависимости от того, является ли процедура экстренной, и отмена соответствующего решения).

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника

5.1 24 марта 2022 года авторы сообщили Комитету, что Ф. М. умерла от септического шока 20 марта 2022 года.

5.2 В своих комментариях от 13 апреля 2022 года авторы сообщили Комитету, что они хотели бы, чтобы рассмотрение настоящего сообщения продолжилось, на том основании, что оно затрагивает принципиальные вопросы, касающиеся эффективности средств правовой защиты, доступных в вопросах миграции, что нарушение прав Ф. М. не отменяется ее смертью и что ее законные представители и ее брат, который также является ребенком, все еще находятся в государстве-участнике, и их затрагивают принятые решения. Авторы утверждают, что как представители Ф. М. и Х. М. они имеют достаточный или законный интерес в том, чтобы рассмотрение сообщения продолжилось, поскольку они более семи лет участвовали в национальном разбирательстве и боролись за то, чтобы Ф. М. получала необходимую медицинскую помощь с достаточной степенью правовой определенности в соответствии с ее интересами[9].

5.3 В ответ на утверждение государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым в части, касающейся Х. М., авторы ссылаются на статью 3 Конвенции и заявляют, что он прибыл в Бельгию в ноябре 2012 года, когда ему было всего два года, что он никогда не покидал Бельгию и знаком лишь с этой страной. Он ходит в школу в Бельгии, и все его социальные и семейные связи находятся там. Его судьба связана с судьбой Ф. М., и на него по-прежнему влияют решения, принятые в отношении нее. Однако, по мнению авторов, нет никаких оснований считать, что их наилучшие интересы являлись для государства-участника главным соображением. Наилучшим интересам Х. М. отвечало бы снятие с него статуса нелегала в Бельгии, где он проживает уже почти десять лет. В соответствии с его наилучшими интересами его право на уважение его частной и семейной жизни должно быть защищено. По мнению авторов, Конвенция требует от государств-участников принимать во

[9] См. Европейский суд по правам человека, *Практическое руководство по критериям приемлемости*, где говорится, что «рассмотрение жалобы, поданной первоначальным заявителем до его смерти, может быть продолжено наследниками или близкими родственниками, выразившими желание продолжить производство по делу при наличии у них достаточной заинтересованности в исходе разбирательства». См. также Cour européenne des droits de l’homme : *López Ribalda et autres c. Espagne*, requêtes nos 1874/13 et 8567/13, arrêt, 17 octobre 2019, par. 71 à 73; *Mile Novaković c. Croatie*, requête no 73544/14, arrêt, 17 décembre 2020, par. 33 et 34; и *X. c. France*, requête no 18020/91, arrêt, 31 mars 1992, par. 26.

внимание и защищать положение ребенка по отношению к государству в вопросах миграции.

5.4 Авторы вновь заявляют, что продолжительность внутренней процедуры является необоснованной, поскольку семье приходилось на протяжении более семи лет поочередно иметь дело то с Управлением по делам иностранцев, то с Советом по рассмотрению споров, касающихся иностранцев[10]. В частности, авторы подали прошение о легализации 22 апреля 2013 года, и их дело все еще рассматривается. Авторы утверждают, что они исчерпали все доступные и эффективные внутренние средства правовой защиты. Они утверждают, что нет оснований подавать иск о компенсации, поскольку эта процедура не поможет устранить возникшие у них претензии.

5.5 По существу, авторы отмечают, что Ф. М. получала необходимую медицинскую помощь, но эта помощь была «крайне ненадежной», поскольку ни у нее, ни у остальных членов семьи не было вида на жительство в Бельгии. Авторы и Х. М. продолжают жить в условиях неопределенности. Нестабильность их положения, связанная с решениями Управления по делам иностранцев, осложнила жизнь Ф. М. и, как следствие, жизнь авторов и Х. М. Поэтому даже предоставление Ф. М. медицинской помощи не позволяло ей наслаждаться жизнью и не гарантировало ее достоинство, что является нарушением статьи 23 Конвенции, рассматриваемой в сочетании со статьей 24. В нарушение статьи 2 Конвенции эта нестабильность дискриминировала Ф. М. по сравнению с детьми, находящимися в обычной ситуации, которым непрерывное лечение гарантировано.

5.6 Авторы вновь заявляют, что наилучшее обеспечение интересов ребенка не являлось главным соображением при проведении оценки национальными властями, которые, по их словам, отказались придать какое-либо значение медицинским документам, свидетельствующим о недоступности требуемой медицинской помощи в Алжире. Заставляя Ф. М. и семью метаться между Управлением по делам иностранцев и Советом по рассмотрению споров, касающихся иностранцев, они отказались признать медицинскую ситуацию Ф. М. Кроме того, Х. М. лишен возможности иметь нормальное детство в Бельгии, несмотря на его связи с этой страной, где, в частности, захоронены останки Ф. М. Причинами его угнетенного состояния являлись проблемы со здоровьем Ф. М., которые привели к ее смерти, и нестабильность их положения. По мнению авторов, в соответствии со статьей 9 ter Закона от 15 декабря 1980 года государство-участник должно было разрешить семье оставаться в Бельгии, имея достаточную степень правовой защищенности[11].

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 В соответствии с правилом 20 своих правил процедуры прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен согласно Факультативному протоколу решить, является ли сообщение приемлемым.

6.2 Комитет также принимает к сведению довод государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым, поскольку С. М. подал его от своего имени. Он отмечает, что авторы представили сообщение от имени С. М., Ф. М. и Х. М. и что они утверждают, что сами пострадали от этой процедуры. Комитет напоминает, что Конвенция защищает права детей, а не взрослых, и считает, что данное сообщение несовместимо ratione personae с положениями Конвенции в той мере, в какой оно было

[10] См. Европейский суд по правам человека, *Практическое руководство по критериям приемлемости*, в котором говорится, что для соблюдения принципа «разумного срока» срок рассмотрения жалобы, связанной с чрезмерной продолжительностью разбирательства, в принципе и, если речь не идет об исключительных обстоятельствах, не должен превышать двух лет и шести месяцев для судов двух уровней, включая этап исполнения решения.

[11] См. *С. Е. против Бельгии*.

представлено от имени С. М.[12]. Соответственно, он признает эту часть сообщения неприемлемой согласно статье 7 (п. c)) Факультативного протокола.

6.3 Комитет отмечает, что Ф. М. скончалась 20 марта 2022 года, когда рассматривалось сообщение. Он также отмечает, что сообщение посвящено предполагаемым нарушениям ее прав, предусмотренных Конвенцией, в результате принятия Управлением по делам иностранцев решений не предоставлять ей вид на жительство по причине состояния ее здоровья. Комитет принимает к сведению доводы авторов, заявляющих, что они по-прежнему желают продолжения рассмотрения сообщения на том основании, что в течение семи лет они пытались добиться получения вида на жительство для Ф. М. при помощи различных внутренних правовых средства, что в сообщении «поднимаются принципиальные вопросы», что нарушение прав Ф. М. не отменяется ее смертью и что принятые решения затрагивают Х. М. Однако Комитет считает, что вопросы, поднятые в первоначальном сообщении и касающиеся, в частности, отношения национальных властей к ходатайству о предоставлении вида на жительство, поданному от имени Ф. М., с учетом состояния ее здоровья, оценки властями возможности получения Ф. М. необходимой ей медицинской помощи в Алжире и продолжительности внутреннего разбирательства в отношении нее, тесно связаны с утверждением авторов о том, что ей должен был быть предоставлен вид на жительство[13]. Поэтому Комитет считает, что, поскольку Ф. М. скончалась, эта часть сообщения утратила свою актуальность. В свете вышеизложенного Комитет считает, что у авторов больше нет достаточных оснований настаивать на продолжении рассмотрения сообщения в той мере, в какой оно было представлено от имени Ф. М.[14]. В соответствии с правилом 26 своих правил процедуры по Факультативному протоколу Комитет постановляет прекратить рассмотрение этой части сообщения.

6.4 Комитет отмечает, что авторы хотят продолжить рассмотрение настоящего сообщения от имени Х. М., который жалуется на нарушение его прав, предусмотренных статьей 3 Конвенции и касающихся наилучшего обеспечения его интересов Управлением по делам иностранцев, которое не предоставило ему вид на жительство, несмотря на его связи с Бельгией. Комитет отмечает, что, хотя Х. М. был включен в заявление на получение вида на жительство, основанием для его подачи являлось только состояния здоровья Ф. М. Кроме того, он отмечает отсутствие каких-либо указаний на то, что авторы представили в ходе внутреннего разбирательства жалобу по существу на нарушение прав Х. М., предусмотренных в Конвенции. В связи с этим Комитет напоминает, что заявители должны использовать все судебные или административные средства, которые могут открыть перед ними разумные перспективы добиться возмещения ущерба. Комитет считает, что в исчерпании внутренних средств правовой защиты нет необходимости, если объективно они не имеют шансов на успех, например в случаях, когда жалоба неизбежно будет отклонена в соответствии с применимым национальным законодательством или когда сложившаяся юридическая практика высших национальных судов не позволит добиться положительного результата. В то же время Комитет отмечает, что простые сомнения или допущения в отношении успешности или эффективности средств правовой защиты не освобождают авторов от необходимости их исчерпания[15]. Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что внутренние средства правовой защиты недоступны и неэффективны. При этом он считает, что авторы не обосновали свое утверждение о том, что они не могли подать жалобу от имени Х. М. или что ни одно из средств правовой защиты не было эффективными в этом плане. Вследствие вышеизложенного Комитет считает, что авторы не исчерпали все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, как этого требует статья 7 (п. e)) Факультативного протокола.

[12] *У. А. И. против Испании* (CRC/C/73/D/2/2015), п. 4.4; *Y и Z против Финляндии* (CRC/C/81/D/6/2016), п. 9.3; *Г.Р. и др. против Швейцарии* (CRC/C/87/D/86/2019), п. 10.3.

[13] См. также Cour européenne des droits de l'homme, *X. c. France*, par. 26.

[14] *Феррер Манильс против Испании* (CRPD/C/26/D/79/2020), п. 9.

[15] *Д. К. против Германии* (CRC/C/83/D/60/2018), п. 6.5; и *Сакки и др. против Аргентины* (CRC/C/88/D/104/2019).

7. В этой связи Комитет постановляет:

a) прекратить рассмотрение сообщения в отношении Ф. М.;

b) признать сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 7 (п. c)) Факультативного протокола в той мере, в какой оно было представлено от имени С. М., с одной стороны, и неприемлемым в соответствии со статьей 7 (п. e)) Факультативного протокола в той мере, в какой оно было представлено от имени Х. М., с другой стороны;

c) довести настоящее решение до сведения авторов сообщения и государства-участника.